

ПРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОПРОСА О СМЕРТИ В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ П. С. АВСЕНЕВА

С. В. Ряполов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 ноября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается нравственное измерение проблемы смерти в философии П. С. Авсенева. Смерть понимается им как наивысшее проявление зла, с которым нравственное сознание не может примириться. В философском осмыслении вопроса о смерти П. С. Авсеньевым найдено отражение оригинальная философская традиция русской нравственной иммортологии.

Ключевые слова: русская философия, русский платонизм, русское шеллингианство, история философии, этика, иммортология, П. С. Авсеньев.

Abstract: the article deals with the moral dimension of the problem of death in philosophy of Peter Avseneva. Death is understood as the highest expression of evil, with which the moral consciousness can not be reconciled. In the philosophical interpretation of the question about the death of Peter Avsenev reflected the original philosophical tradition of Russian moral immortalology.

Key words: Russian philosophy, Russian Platonism, Russian Shellingism, history of philosophy, ethics, immortalology, P. Avsenev.

Особенностью русской философской культуры является ее нравственная озабоченность вопросом смерти, без решения которого сама жизнь оказывается лишенной смысла. «Так что ж это? Зачем? Не может быть. Не может быть, чтоб так бессмысленна, гадка была жизнь? А если точно она так гадка и бессмысленна была, так зачем же умирать, и умирать страдая? Что-нибудь не так» [1, с. 404], – вопрошая, мучается Иван Ильич из повести Л. Н. Толстого. Невозможность принять неминуемую смертность человека, ставящую под сомнение смысл самой жизни, требует философского размышления, поиска ответа на вопрос о смысле жизни, неизбежно обрывающейся смертью и потому отравленной ею. Смерть в русской мысли рассматривается как «крайнее зло» [2, с. 233], как наивысшее проявление зла, и потому становится вопросом нравственной философии.

В. В. Варава пишет: «К построениям какого бы русского философа, создавшего нечто значимое, мы не обратились, везде обнаруживается бытийная укорененность сознания. В то же время нельзя не обнаружить, что русская мысль антропологична. Таким образом, естественно говорить об онтологической антропологии или антропологической онтологии русской философии, что и составляет ее действительное своеобразие» [3, с. 11]. В русской мысли особенно выражено философское внимание к человеку, потому вопрос о смерти становится в ней централь-

ным. С вопрошания «что я есмь?» начинается и философия П. С. Авсенева, являющегося, по оценке Н.А. Куценко, «самым оригинальным из представителей Киевской богословско-философской школы» [4, с. 85].

К сожалению, при жизни П. С. Авсенева печатался очень мало, исключение составляют только несколько статей в журналах «Воскресное Чтение» и «Москвитянин». Большая часть его текстов была опубликована уже после смерти автора, в 1869 г. Другим источником материала для реконструкции его философской системы может служить переписка святителя Феофана Затворника, который был учеником П. С. Авсенева и в одном из своих писем, с прямой отсылкой к лекциям своего учителя, развивает оригинальное учение о душе мира. При рассмотрении указанных источников становится ясно, что существенное философское влияние на П. С. Авсенева оказала философия платонизма, при том что имя самого Платона им упоминается не так часто. Е. И. Мирошниченко в работе «Очерки по истории раннего платонизма в России» отмечает: «Имплицитно платонизм содержится во многих его высказываниях (мы обнаружили, по крайней мере, 17 неявных отсылок к Платону)» [5, с. 91].

Своеобразную интерпретацию философии Платона можно обнаружить и в учении П. С. Авсенева о душе как жизненном начале. Существо человека, по Авсеневу, составляет дух. Он пишет: «То, чем человек, собственно, возвышается над животными, есть *дух*; земные склонности и способности души его разделяют с ним животные; растительные отправления – растение, а тело его взято от земной персти» [6, с. 65]. При этом «назначение души есть более и более одухотворяться под влиянием духа: чем больше она предается его существенному стремлению, тем более освобождается от сродных ей полусознательных, безотчетных побуждений и произвольных действий. А душа, простирая потом свое влияние в среду естественных отправления, умеряет и уравнивает ход, укрепляет силы и органы, утверждает здоровье, предотвращает болезни и смерть» [там же, с. 67]. Душа, таким образом, в отношении к телу понимается П. С. Авсеньевым как жизненное начало, поскольку именно в ней, по его мнению, помещается начало жизни, являющееся силой души. Подобную идею можно обнаружить и в диалоге «Федон» Платона: «Чем бы душа ни овладела, она всегда привносит в это жизнь» [7, с. 66]. Однако П. С. Авсенева, развивая эту мысль, отмечает, что и причину смерти нужно искать в душе, в которой со временем начинают преобладать телесная и душевная стороны, а не духовная. По мнению Е. И. Мирошниченко, построение П. С. Авсенева вполне оригинально, и, несмотря на его спекулятивность, имеет ценность как один из первых опытов в русской мысли дискурсивного отношения к платонической философии [5, с. 93].

По Авсеневу, в душе человека происходит противодействие двух сил: разума и пожеланий, приносящих телу, соответственно, жизнь и смерть. В статье «Его имя было синонимом философа» (Петр Семенович Авсенева) А. Ф. Замалева отмечает, что, у Авсенева, «вопрос о продлении жизни связан в первую очередь с духовным самоутверждением, изменя-

ющим и телесно-природное существование человека. Позднее эта позиция закрепляется в теории ортобиоза И. И. Мечникова» [8, с. 13].

П. С. Авсенеv выстраивает свою мысль в рамках традиции осмысления смерти как наивысшего нравственного зла. Его философия, как представляется, может быть охарактеризована, в том числе, и как негедонистическая не только потому, что смерть тела связывается им с преобладанием в душе пожелательной силы, но и потому, что гедонизм, как отмечает В. В. Варава, предполагает *«исключение проблемы смерти из горизонта нравственной рефлексии»* [3, с. 172]. Тем не менее в философском осмыслении смерти П. С. Авсенеvым принципиальную роль играет понимание им смерти как наивысшего зла. Он пишет: «Смерть есть величайшее из всех бедствий, какие только постигают несчастный род человеческий; она совмещает в себе все те болезни, потери и унижения, какие в течение жизни поражают душу и тело порознь» [6, с. 291]. При этом, несмотря на то, что неизбежная конечность человеческой жизни при настоящем состоянии мира воспринимается, скорее, как что-то естественное и закономерное, нравственное сознание не может смириться с нормальностью смерти. Таким образом, возникает мысль о патологии в устройстве самого бытия. По Авсенеvу, смерть «есть некоторое чуждое истинному существу вещей пришлое зло» [там же, с. 293], которое могло возникнуть только в результате нарушения изначального устройства бытия. Но, поскольку нравственное сознание неразрывно связано с восприятием смерти как наивысшего проявления зла, причина которого обнаруживается в таком устройстве бытия, которое можно охарактеризовать как патологическое, отклонившееся от изначального замысла о нем, то неизбежно возникает вопрос об избавлении от смерти, наиболее ярким выражением которого в русской мысли, пожалуй, является «философия общего дела» Н. Ф. Федорова. П. С. Авсенеv также пишет, что человек «должен быть изъят из закона смерти» [там же].

Возможно, внимание П. С. Авсенева к вопросу о смерти связано, в том числе, и с его интересом к различным бессознательным проявлениям человеческой психики, таких как лунатизм, сомнамбулизм, сновидения и т. д. Г. Г. Шпет в работе «Очерки развития русской философии» пишет: «Авсенева тянуло к себе “сверхъестественное” в его ближайшем соприкосновении с жизнью человека во всех исключительных проявлениях нашей психики <...> того, что Шуберт удачно назвал ее *ночной стороной*, *Nachtseite*. Психологи Шеллинговой школы, как Карус, Бурдах, Шуберт, и в особенности последний, обнаруживали живой и повышенный интерес к этим сумеречным состояниям души с их экстравагантными и фантастическими проявлениями. Естественно, что Авсенеv нашел для себя в Шуберте излюбленного руководителя» [9, с. 195–196]. Вероятно, интерес к философии шеллингианства возник у П. С. Авсенева под влиянием И. Я. Зацепина еще во время учебы в Воронежской духовной семинарии. Как представляется, И. Я. Зацепин является одной из важнейших фигур воронежского философского текста XIX в.: во время обучения в Воронежской духовной семинарии он был участником

литературного кружка о. Евгения (Болховитинова), а уже будучи профессором философии, оказал влияние на В. Н. Карпова и П. С. Авсенева, от которого через его ученика П. Д. Юркевича можно протянуть нить преемственности к воронежцу П. Е. Астафьеву. Таким образом, уже в первой половине XIX в. в Воронеже были сформированы две философские линии: первая, в большей степени связанная с русской религиозной философией, была представлена именами о. Евгения (Болховитинова), И. Я. Зацепина, В. Н. Карпова, П. С. Авсенева, и вторая, у основания которой стоял окончивший Воронежскую духовную семинарию профессор Московского университета М. Г. Павлов, оказавший большое влияние на Н. В. Станкевича, от которого линию преемственности можно провести к А. В. Кольцову, которому Н. В. Станкевич помог опубликоваться в «Литературной газете» и которого познакомил с А. В. Жуковским, А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. Г. Белинским и другими выдающимися представителями русской мысли первой половины XIX в.

В настоящее время имя и философская система П. С. Авсенева являются незаслуженно забытыми историками философии, а, между тем, многие его идеи оказали не только значительное влияние на современников, в числе которых были его ученик святитель Феофан Затворник, философ П. Д. Юркевич, историк и богослов о. Антонин (Капустин) и многие другие, но и во многом опередили свое время. Так, В. В. Зеньковский указывает на ряд идей П. С. Авсенева как на «предварение учения об интуиции, как оно развилось в конце XIX века» [6]. В текстах мыслителя можно обнаружить положения, которые нашли развитие в работах И. И. Мечникова, Н. Я. Данилевского, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Л. Н. Гумилева и др. В опубликованных на страницах журнала «Вопросы философии» материалах «круглого стола» «Русская философия в современном мире: контексты актуальности» А. В. Малинов отмечает: «Надо признать, что русская философия очень неравномерно исследована. Есть персонажи, может быть, даже переоцененные, есть эпохи, о которых написано много, но есть и большие лакуны, причем довольно существенные» [11]. Как представляется, к числу таких забытых страниц русской мысли можно отнести и философское наследие П. С. Авсенева, являющегося, по мнению о. Георгия (Флоровского), ярчайшим представителем киевской философской школы своего времени [12, С. 239]. Выстраивание большого контекста русской философии, с которым связана сама ее перспектива, невозможно без обращения к таким забытым именам, как П. С. Авсенева, без которых картина русской мысли и русской философской культуры, безусловно, будет неполной.

Литература

1. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича / Л. Н. Толстой // Повести и рассказы. – М. : Худож. лит., 1986.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994.

3. Варава В. В. Этика неприятия смерти / В. В. Варава. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т., 2005.

4. Куценко Н. А. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века : киевская и петербургская школы (Новые материалы) / Н. А. Куценко. – М. : ИФ РАН, 2005.

5. Мирошниченко Е. И. Очерки по истории раннего платонизма в России / Е. И. Мирошниченко. – СПб. : Алетейя, 2013.

6. Авсенов П. С. Из записок по психологии / П. С. Авсенов. – СПб. : Тропа Троянова, 2008.

7. Платон. Федон / Платон // Собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2.

8. Замалеев А. Ф. «Его имя было синонимом философа» (Петр Семенович Авсенов) / А. Ф. Замалеев // Из записок по психологии. – СПб. : Тропа Троянова, 2008.

9. Шпет Г. Г. Сочинения / Г. Г. Шпет. – М. : Правда, 1989.

10. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/zenkovskiy/istoriya_russkoy_filosofii/

11. Русская философия в современном мире : контексты актуальности : материалы «круглого стола». – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1616&Itemid=52

12. Георгий (Флоровский) прот. Пути русского богословия / прот. Георгий (Флоровский). – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 2006.

Воронежский государственный университет

Ряполов С. В., аспирант кафедры культурологии

E-mail: serg.ryapolov@gmail.com

Тел.: 8(950) 758-84-03

Voronezh State University

Ryapolov S. V., Post-graduate Student of the Culturology Department

E-mail: serg.ryapolov@gmail.com

Tel.: 8(950) 758-84-03